

мироваться и функционировать собственные конкурентоспособные ТНК, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

В свете сказанного некоторый оптимизм внушает пока еще не полностью завершившийся мировой финансово-экономический кризис, который дает нам очередной шанс провести коренные перемены в экономике, избавиться от ее монокультурной зависимости. Сейчас это можно сделать, так как хозяйственные трудности испытывают все страны, в том числе и развитые. Похоже, что восстановление мировой и европейской экономик быстрым не будет. Сегодня мощности предприятий стран Евросоюза, производящие современные машины и оборудование, в целом заполнены в беспрецедентно низких объемах. Речь идет, главным образом, о так называемых инвестиционных товарах, на которые внутри ЕС нет спроса, но которые нужны нам. Необходимо использовать эту ситуацию с помощью big deal («большой сделки»), создав своеобразный Совет экономической взаимопомощи ЕС – Россия. Европейский союз – наш естественный союзник. Он заинтересован в нас, поскольку нуждается в существенном росте вялого спроса. Нам же необходима диверсификация производства, которую предстоит провести с помощью европейского технического потенциала. Не исключено, что России потребуются привлекать в качестве инструкторов европейских рабочих на наши обновляемые предприятия.

Но сначала мы должны представить план, из которого станет ясно, какая европейская продукция нам нужна. Тогда и странам

ЕС будет проще приспособиться к нашим потребностям. Как известно, в позднесоветское время была принята Комплексная программа научно-технического прогресса (КП НТП). Что-то подобное можно было бы создать и сейчас, но уже в рыночном режиме и на истинно равноправной и взаимовыгодной основе.

Пока же отечественный потребитель (если, конечно, ему посчастливилось войти в «подавляющее меньшинство населения страны») ввиду почти полного отсутствия внутреннего производства уже привык ориентироваться на потребление импортных товаров. В общем, на повестке дня стоит трудная задача – выработать перспективную политику стимулирования отечественного производства, не загоняя себя в ловушку изоляционизма, который, в конечном счете, заблокировал бы не то что модернизацию, но и просто сколь угодно цивилизованное развитие экономики.

Существует еще одна, не менее сложная, задача – найти рынки для потенциально высокотехнологичных товаров, которые нам предстоит научиться производить. При условии синтеза российских научных достижений и коммерческого потенциала Евросоюза страна *еще пока может* получить конкурентные продукты хорошего международного уровня. Словом, шансы на успех модернизационного проекта есть, но и риски – огромны! Опасения по поводу начинаний обоснованы. Но уклониться от модернизации – значит гарантировано сползти и обосноваться в мировом технологическом захолустье. Как говорится в пословице, «если вы боретесь, вы можете проиграть, а если вы не боретесь, вы уже проиграли».

Поступила в редакцию 08.07.2010 г.

В.Л. Иноземцев

Центр исследований
постиндустриального общества, Москва

Модернизация в России: каковы шансы на успех

Вот уже два с половиной года Россией управляет президент, который не побоялся объявить главным приоритетом своей политики модернизацию, предпочтя ее пресловутой «стабильности». Отдавая должное смелости Д.А. Медведева, тем не менее следует трезво оценить происходящие в стране перемены и, исходя из этого, попытаться определить, насколько велики шансы на успех заявленного модернизационного прорыва.

Был бы рад ошибиться, но, на мой взгляд, оглядываясь на прошедший период, можно констатировать следующее.

Во-первых, модернизация не осмыслена российским политическим классом как комплексный процесс. «Пять направлений модернизации», которые советники вложили в уста Президента, представляют собой программы, совершенно не связанные между собой и качественно различающиеся по схеме реализации.

Возрождение ядерной энергетики и развитие космических программ – дело хорошее, но в этой сфере продвижение российской продукции в мире в первую очередь зависит от политического влияния, которого может и не хватить. Развитие фармацевтики – тоже благая идея, но рассчитана она только на внутренние нужды. Как, само собой, и технологии связи и коммуникаций (нам бы создать хотя бы одну модель мобильного телефона, которую могли бы покупать в мире!). Единственное, что остается – повышение энергоэффективности – цель наиважнейшая, но ее достижение потребует новой индустриальной революции. Однако практически никто из российских лидеров индустриализацией никак не озабочен. Россия представляет собой единственную известную мне страну, которая собралась проводить модернизацию в условиях, когда на протяжении предшествующего десятилетия ее промышленное производство растет медленнее, чем ВВП. Но модернизационная риторика зовет нас в постиндустриальный мир, привлекает новыми технологиями – прежде всего виртуальными – и требует задуматься об инновациях. На мой взгляд, этот акцент неверен – достаточно посмотреть на Китай, чтобы понять: его модернизация десять–пятнадцать лет происходила вне всякой связи с инновациями, которые осуществлялись лишь в рамках технологического заимствования. Россия сегодня нуждается в заимствовании производственных и социальных технологий не меньше Китая – но при заявленном подходе можно быть уверенным в том, что это будет последнее, на что пойдет наша политическая элита.

Во-вторых, за последние годы в стране сложилась крайне неблагоприятная для восприятия идей модернизации бизнес-культура. Основной вид бизнеса – бесконечное жонглирование собственностью, максимальное наращивание капитализации, умножение дивидендов и их успешный вывод за рубеж. И политическая элита поддерживает именно этот «уклон». Слышали ли мы когда-нибудь, чтобы, к примеру, А. Миллер ставил цель без задержек пустить новое месторождение или отвоевать у Катара несколько процентов европейского газового рынка? Или (даже страшно подумать) ограничить рост себестоимости газа? Нет, зато в свое время он прямо сказал, что его главный ориентир – капитализация «Газпрома» в 1 трлн долл. А когда руководители страны устраивали в Кремле прием в честь (прости, Господи) рационализаторов и инноваторов? А в честь банкиров, успешно проводивших IPO «Роснефти», устраивали (хотя инвесторы понесли пока от него только убытки)! Про миллиардеров, кото-

рых стало особенно много в период кризиса, я и не говорю. В России сегодня и бизнесмены, и политики ориентированы на немедленную выгоду, а не на модернизацию. В Китае фондовый рынок начал развиваться через пятнадцать лет, после того как страна встала на путь устойчивого хозяйственного роста. До сих пор в Германии из 500 крупнейших по обороту компаний торгуют на бирже лишь 23%, но в России, похоже, не происходит ничего, кроме финансовых операций. И заявка о курсе на модернизацию пока никак не принимает в расчет этого обстоятельства.

В-третьих, и это, на мой взгляд, самое важное, Россия не имеет никаких естественных конкурентных преимуществ, которые могли бы стать козырем в ее модернизации. Политика президента В.В. Путина в 2000–2008 гг. была направлена на одновременное достижение трех целей: создания максимально льготных условий для крупного государственного и окологосударственного бизнеса, обеспечения постоянного повышения уровня жизни масс и сохранения финансовой стабильности. Все цели были им достигнуты, но результатом стали монопольно высокие цены производителей, не соответствующие реальным трудовым усилиям и квалификации граждан доходы и относительно стабильный курс рубля. Сегодня большинство инвестиционных товаров (и многие потребительские товары) в России дороже, чем на мировом рынке. Стоимость бензина в нашей стране превышает цены на него в США, а стоимость электроэнергии в Москве и Московской области – выше расценок большинства европейских стран. Китайцы привлекали инвесторов дешевой рабочей силой, вьетнамцы – простотой ведения бизнеса и слабым регулированием. А чем их можем привлечь мы? Единственный ресурс – дешевые энергоносители и сырье, которыми мы могли похвастаться в 1990-е, давно уже не так дешевы. Научные достижения? Как говорится, «De mortuis aut bene, aut nihil».

В-четвертых, Россия, как выясняется, так и не получила «прививки от прошлого». В большинстве стран, в которых была реализована успешная стратегия модернизации, перемены начинались либо вследствие национальных катастроф (например, поражения в войне), либо на фоне устойчивого неприятия прошлого (оккупационного, колониального или тоталитарного). В этих обществах – даже в тех, где доминировало относительно спокойное отношение к прошлому (как, например, в Китае), – мало кто хотел вернуться назад. Нацеленность на перспективу и модернизационный консенсус были важнейшими условиями

модернизации. В России значительная часть населения испытывает ностальгию по прошлому, а во властных структурах немало тех, кто с необъяснимой (с точки зрения сторонника модернизации) настойчивостью утверждает «культ геополитического величия» и воздыхает по временам Советского Союза.

К этому добавляется административная среда, которую часто считают коррупционной. Однако такая трактовка, на мой взгляд, не слишком правильна. То, что мы наблюдаем сегодня в России, – не вполне коррупция. Скорее, это – превращение власти в бизнес, которое приняло вполне узаконенный характер. Законы и правила в «нормальных» странах, служащие защите интересов потребителей, обеспечению свободы конкуренции или поступательному развитию промышленности, в России нередко принимают и изменяют в угоду интересам отдельных представителей предпринимательствующей бюрократии или их групп. Многомиллиардные сделки заключаются между депутатами Государственной Думы, родственниками министров и губернаторов владеют самыми доходными бизнесами в своих отраслях и регионах, – и это никого не смущает! Компаниям предъявляют огромные налоговые претензии, которые потом снимают через суд, после того как собственность переходит в другие руки. Правоохранительные органы открыто становятся одним из крупнейших «хозяйствующих субъектов» в стране. И все это – цена «стабильности» 2000-х годов, идеальные условия для управляемой демократии и масштабной системы перераспределения ренты, получаемой от экспорта энергоносителей и сырья.

В подобных условиях модернизация невозможна: нет четкого понимания того, к чему следует идти, нет осмысления инструментов достижения цели, нет здоровой предпринимательской культуры и серьезных конкурентных преимуществ, нет и достаточного числа амбициозных политиков, готовых жертвовать своими краткосрочными интересами во имя долгосрочных общественных.

Это обстоятельство отчасти, как мне кажется, *de facto* признает команда Президента: его внимание к проекту «Сколково» подчеркивает масштабы территории, на которой модернизационный замысел может иметь какой-то успех, а также понимание необходимости интернационализации данного предприятия, что может серьезно повысить шансы на его реализацию. В отличие от того же Китая или других стран Азии, где модернизаторы попытались опереться на широкие массы населения, заинтересованного в переменах, но вести их

под чутким политическим контролем, российская элита пытается реализовать модернизацию как узкий проект для интеллектуального класса. Если в данном случае будет проявлена должная политическая воля, этот проект может стать успешным – но «модернизации по всем направлениям» он не спровоцирует.

Сегодня задача модернизации – политическая. И я не имею тут в виду необходимость масштабной демократизации или новой «перестройки». Модернизация призвана разнообразить политический процесс в России, внести в него противоречия и конфликт. Прогрессивная часть политической элиты должна осознать важность не просто «преодоления сырьевой зависимости», а появления широкой группы предпринимателей и управленцев, чьи судьбы связаны с несырьевым и нефинансовым сектором – такая группа могла бы стать социальной опорой промодернизационных элементов. Прогрессивная часть политической элиты должна найти в себе силы обратиться к массам, создать широкую промодернизационную партию, которая заявила бы о себе как о серьезной политической силе. Она должна, наконец, начать подбирать кадры на строго профессиональной основе, совершенствовать практики государственного управления, вовлекать в него иностранных специалистов-менеджеров, ломая сопротивление бюрократии. Иначе говоря, промодернизационная часть бюрократии должна начать отодвигать от власти ее консервативную часть.

Этого, на мой взгляд, требует не только перспективный план модернизации, но и сиюминутные интересы системы. После десяти путинских лет она находится не столько в тупике, сколько на распутье. Продолжение консервации режима чревато резким падением популярности лидеров. Нужна смена лозунгов, приоритетов и фигур во власти. В той же мере, в какой на рубеже 1999–2000-х годов произошла «перезагрузка» системы, сменившей скорее лидера и риторику, чем идеологию и действующих лиц, системе снова нужна перезагрузка. И программа модернизации могла бы послужить ее идеологическим основанием, а в случае обретения сторонниками такой линии полноты власти могла бы возникнуть альтернатива существующей системе.

Сегодня страна не чувствует потребности в модернизации. Она не ощущает себя единым целым, которое может выйти из кризиса только сплотившись. И в такой ситуации модернизационная повестка дня может быть внесена исключительно сверху. Во многих странах так и поступали – и новые задачи меняли эти страны, а иногда – и весь мир. Если

у российских политиков есть амбиции и кругозор, они смогут начать перемены. Но пока я не вижу ни того, ни другого. И поэтому шансы на успех нынешней волны модернизации я считаю почти нулевыми.

Завершая статью, отмечу: опыт модернизации показывает, что она может стартовать практически с любого уровня экономического и политического развития. И поэтому не нуж-

но говорить (как это иногда у нас делают), что модернизации нет альтернативы или что страна погибнет, если не начать модернизацию немедленно. Отнюдь! Она никуда не денется, не распадется и не будет завоевана – она просто во временной летаргии дождется политиков, которые будут смелее и ответственнее нынешних. Они найдут в себе силы сделать решительный шаг вперед.

Поступила в редакцию 23.08.2010 г.

Б.Н. Кузык

Институт экономических стратегий,
Москва

Инновационная модель развития России

Для того чтобы динамично войти в технологичный мир XXI в., нужна стратегия инновационного развития. Инерционная стратегия неизбежно приведет к разрушению России в ближайшие 10–15 лет. Руководство России определило политическую стратегию – инновационное развитие. Для ее реализации необходимо совершенно по-новому выстроить управление этим процессом. По мнению российских ученых, жизненно необходимо создать систему долгосрочного прогнозирования, стратегического планирования и национального программирования. Первоочередная задача – создать и запустить механизм реализации этой новой системы – задача сложная и актуальная.

В кабинетах ученые напишут программу, которую политики озвучат с высоких трибун. Но не факт, что даже небольшое число людей сможет по-настоящему воспринять эти идеи. Требуется серьезная системная работа. Необходимо создавать институты прогнозирования, стратегического планирования, национального программирования. Не стоит бояться таких понятий, как «планирование» и «программирование». Весь развитый мир давно живет согласно этим стратегиям.

Во-первых, требуются долгосрочные прогнозы до 2030 г. Мы считаем, что прогноз желательно разрабатывать на период до 2050 г., поскольку 50 лет – период смены технологического уклада. США, европейские страны, Япония, Китай делают именно такие прогнозы. Долгосрочная стратегия – стратегия на 25–30 лет. Стране нужна инновационная стратегия, хотя бы на половину периода нового технологического уклада.

В чем смысл такой стратегии? Стратегия заключается в разработке прежде всего национальных программ и национальных проектов. Они формируются на 15–20 лет и утверждаются законодательно. Под них подводится система бюджетирования, создаются соответствующие институты для их реализации, запускается механизм индикативного планирования на среднесрочную (до пяти лет) и краткосрочную перспективу (рис. 1).

Ученые предложили законодателям ряд законов: об инновационной деятельности, о передаче технологий. Сейчас они внесены в Государственную думу для рассмотрения и принятия. Необходимо профессиональная подготовка кадров и синхронизация действий на федеральном, региональном и местном уровнях управления.

Безусловно, для реализации инновационной стратегии необходимо партнерство науки, образования, государства и бизнеса (рис. 2). Этапы реализации стратегии инновационного развития представлены на рис. 3.

На рис. 4 представлены динамика и структура развития экономики России за период с 1980 по 2030 г. Мы взяли за точку отсчета 1980 г., так как он вполне репрезентативен, что касается 1990-х годов – это зона кризиса, жесткой турбулентности. Очевидно, что в 1980 г. имела место сбалансированная структура экономики страны с превалированием высокотехнологичного сектора (29,3%). Стоит напомнить, что это был военно-промышленный комплекс, и он был действительно высокотехнологичным.

Что представляет собой экономика России в 2007–2009 гг.? Это – перевернутая пирами-